

сегодняшний день мы с уверенностью можем констатировать как минимум 30 целей устойчивого развития в рамках которых агентства, фонды и специализированные учреждения ООН реализуют свои проекты. В связи с этим любые действия и цели ООН в той или иной мере всегда можно признать политически ориентированными, на основании чего все требования, предъявляемые к организации, могут быть признаны публичными и отклонены судом с привычной пометкой «not receivable».

Как справедливо отметил Л. Д. Гонсалес, невозможно перечислить список функций, выполняемый международными организациями, поскольку все они создаются для достижения разных целей и соответственно осуществляют различные функции. В связи с этим применение концепции функционального (ограниченного) иммунитета в чистом виде не решит проблему в полной мере. Исходя из этого, наиболее подходящим нам видится комплексное использование подходов, сформулированных в рамках концепции функционального (ограниченного) иммунитета. Так, в качестве общего подхода необходимо закрепление перечня сфер, в которых ООН не могла бы ссылаться на иммунитет, при этом квалификация осуществляемой организацией деятельности как коммерческой могла бы осуществляться посредством анализа характера такой деятельности с возможным применением критерия цели деятельности в качестве дополнительного. Кроме прочего, здесь важно понимать, что разработка перечня правоотношений должна быть узконаправленной, т. е. применимой непосредственно к ООН, а главное быть признанной самой организацией.

В современных условиях новый этап развития теории иммунитета международных межправительственных организаций неизбежно порождает вопросы, требующие определения случаев, когда их иммунитет должен быть ограничен. Решение поднятых проблем, полагаем, положительным образом повлияет на развитие международного сотрудничества в процессах современной экономической интеграции, в силу большего доверия и защищенности субъектов, вступающих с ними в частноправовые отношения.

Мацукова Д. Н.

**КОНВЕНЦИОННАЯ УНИФИКАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ СООБЩЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНТРАКТАХ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Мацукова Дарья Николаевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
prettymatsukova@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Царёва Л. В.

Ежедневно в мире заключаются сотни тысяч трансграничных гражданско-правовых договоров в формате В2В (бизнес-бизнес). Все чаще их заключение происходит посредством обмена электронными сообщениями.

С середины 1990-х гг. на сессиях Рабочей группы Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли

(ЮНСИТРАЛ) активно обсуждался вопрос о возможных способах устранения препятствий в использовании электронных сообщений при заключении международных договоров. Это привело к разработке Конвенции ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» (далее – Конвенция), принятой резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23 ноября 2005 г. В настоящее время имеет 16 государств-участников и открыта для присоединения.

В соответствии с текстом Конвенции она применяется к использованию электронных сообщений в связи с заключением или исполнением договоров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах. В силу п. 1 ст. 2 Конвенция не применяется к электронным сообщениям, которые относятся к договорам, заключенным в личных, семейных или домашних целях. Знакомый по текстам иных конвенций ООН в области международной торговли критерий определения международного характера коммерческого договора позволяет успешно сочетать применение конвенции с ранее принятыми унификациями. Например, это весьма актуально для применения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, поскольку создается комплексное правовое регулирование правоотношений по купле-продаже.

В Конвенции даны определения таким понятиям, как электронное сообщение, сообщение данных, составитель, адресат, информационная система, автоматизированная система сообщений и др. Конвенция закрепляет наличие юридической силы электронных сообщений: «Сообщение или договор не могут быть лишены действительности или исковой силы на том лишь основании, что они составлены в форме электронного сообщения» (ст. 5).

Конвенция не устанавливает требований по соблюдению какой-либо конкретной формы составления или подтверждения сообщения или договора. Однако согласно ст. 9 Конвенции, если нормы национального законодательства требуют соблюдения письменной формы сообщений или договора, то такое требование является выполненным при представлении электронного сообщения, если информация из электронного сообщения доступна при ее последующем использовании. Следовательно, субъектам необходимо учитывать нормы национального законодательства относительно формы договора.

Конвенцией урегулированы вопросы определения момента отправления и получения электронных сообщений. Когда при отправлении сообщения лицо допускает ошибки, в Конвенции закрепляются нормы по внесению изменений в случае, если автоматизированная система не предоставляет возможности исправить такую ошибку.

Необходимо обратить внимание на то, что Конвенция предоставляет государствам определенную дискрецию по установлению условий ее применения. Так, государство может заявить, что оно будет применять Конвенцию лишь в случаях, когда государства являются Договаривающимися государствами Конвенции или же когда стороны договорились о ее применении.

Республика Беларусь не является участником данной Конвенции. Представляется, что присоединение Республики Беларусь к Конвенции существенно облегчило бы коммуникацию сторон международных коммерческих контрактов, не увеличивая риски правовой неопределенности из-за отхода от классической письменной формы. Полагаем, что нормы Конвенции благоприятствует хозяйственному обороту, так как субъектам предоставляется возможность эффективно урегулировать договорные правоотношения с иностранными контрагентами, применяя нормы рассматриваемой Конвенции. Таким образом, учитывая содержание Конвенции, ее универсальный характер и имеющуюся апробацию, а также намерение Беларуси отказаться от требования об обязательной письменной форме внешнеэкономической сделки, считаем присоединение Республики Беларусь к Конвенции целесообразным.

Михалкина В. Е.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Михалкина Вероника Евгеньевна, магистрант 2 курса Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Россия, nikkiride.nr98@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шелепина Е. А.

Врачебная тайна в рамках мировой истории является одним из древнейших институтов охраны личной жизни каждого человека. Еще Гиппократ указал, что все, ставшее известным врачу, должно сохраняться в строжайшей конфиденциальности. Сквозь столетия пронеслась данная клятва, и ее положения реализуются в настоящее время. Так, в Российской Федерации студенты, оканчивающие медицинскую образовательную организацию (высшего или среднего специального образования), приносят клятву, которая обязывает их в дальнейшем хранить врачебную тайну.

Врачебная тайна в Российской Федерации представляет собой любые сведения о пациенте, которые стали известны при исполнении не только трудовых, должностных, служебных и иных обязанностях, но и в рамках обучения. В соответствии со ст. 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

Гражданско-правовая охрана – это меры, при помощи которых создаются условия для развития гражданских правоотношений в их статичном, ненарушенном состоянии. Зачастую в научных трудах охрана и защита воспринимаются как синонимичные понятия, однако между ними существует один главный отличительный признак: при охране действия государства либо конкретного лица (группы лиц) осуществляют пассивную функцию, иными словами, существуют вне каких-либо нарушений, а защитная – активную функцию, т. е. право в такой момент является